научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 141.154

КАК ИЗМЕРИТЬ СОЗНАНИЕ?

ПИВОЕВ Василий Михайлович

доктор философских наук,
профессор кафедры социально-экономических, гуманитарных и специальных дисциплин,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста РФ),
Петрозаводск, Российская Федерация, pivoev@mail.ru

Ключевые слова:
мера
информация
пространство
время
энергия
реальность объективная и субъективная

Аннотация:
Отказ от диктата материалистической теории понимания мира побуждает нас вновь вернуться «назад к Канту», который полагал, что мы живем не в объективной реальности, а в субъективной. Процесс познания заключается в «различении», выявлении неиз-вестного в известном. Мотивация познавательной деятельности связана с поиском средств удовлетворения наших потребностей для гарантии благополучного существования. В основу осмысления реальности мира, в котором мы существуем, автор полагает энергию как фундаментальную субстанцию, информацию как меру разнообразия, время как трату энергии, многомерное пространство объективной реальности, духовную сферу смыслов субъективной реальности.

© 2025 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2025 года Опубликована: 28 марта 2025 года

Введение

На вопрос «Как измерить сознание?» обычно отвечают: «Никак, поскольку измеряют нечто конечное, а сознание бесконечно». Для такого ответа есть достаточно оснований. И все же нужно уточнить: «А зачем его измерять? Но если же измерять, то какой мерой?» В фармакологии используется латинский термин «Quantum Satis», который переводится «как получится» или «на глаз», – то есть используется интуитивно выбранная произвольная мера.

Измерение считается одной из важнейших задач и функций познавательной деятельности, связанных с *различением.* Чтобы познать «что есть сознание» необходимо отличить его от иных феноменов, например, от мистического переживания, экстаза, личностного и коллективного бессознательного, перинатального опыта и т. п.

В. И. Молчанов в замечательной книге «Различение и опыт» задает вопрос: «Почему, пока нас не спрашивают о сознании, мы знаем, что это такое, но, когда попросят объяснить, мы в замешательстве (по аналогии с известными словами Августина о времени)?» Ответить на такой вопрос достаточно легко: этому и посвящена его книга. В. И. Молчанов обстоятельно анализирует процесс первичного различения получаемой от рецепторов информации, вычленяя 23 параметра в рамках этого процесса. С точки зрения иррационального правополушарного, интуитивного представления нам вполне ясно, что такое сознание. Но если попытаться перевести эту интуицию на язык рационализированных однозначный понятий, то возникают большие сложности [16: 15-16]. Можно вполне согласиться, что сознание начинается с опыта различения, которое опирается на ориентировочный рефлекс, задача которого обусловлена изначальными потребностями «рептильного мозга» оценить получаемые сведения и уяснить вероятность опасности и полезности феноменов окружающей среды. Эта деятельность

является инстинктивной, при которой не используется ни логика, ни разум, ни понятийное мышление.

Л. Витгенштейн подобным образом завершил свою книгу «Логико-философский трактат» загадочными словами: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [6: 73]. Сталкиваясь с иррациональностью, философ-рационалист испытывал замешательство. И тем не менее он позднее попытался перевести эмоциональные феномены на язык рациональности.

В рассказе Н. С. Лескова «Томление духа» автор обсуждает вопрос «Можно ли солгать?» [10: 148-156]. Один из героев рассказа полагает, что ложь есть нечто вроде «инструмента», способного «смягчить» открытую правду и не обидеть ближнего:

«Правда тоже хорошо, да не по всякую минуту и не ко всякому с нею лезть. Он сам для себя свою правду и твори, а другому свой закон не чужой кадык не накидывай. У нас свой-то закон еще гораздо много полней ихнего: мы если и солжем, так у нас сколько угодно и отмолиться можно: у нас и угодники есть, и страстотерпцы, и мученики, и Прасковеи» [10: 151].

То есть: «правда как дышло, как повернул, так и вышло». Другой из героев категорически не допускает ни малейшего отступления от божественной правды:

«Вот это и есть то, что надо, и дай Бог, чтобы вы никогда об этом не позабыли. Для этого одного сто́ит всегда быть правдивым во всех случаях жизни. Чистая совесть где хотите покажет Бога, а ложь где хотите удалит от Бога. Никого не бойтесь и ни для чего не лгите» [10: 152-153].

К. Уилсон в роман «Паразиты сознания» художественной форме показал, что физические болезни тела обусловлены «болезнями» социальными, духовными, психическими стрессами [23]. Можно согласиться со справедливым словам В. И. Молчанова: «Болезни сознания – это деформации опыта, упрочивающие себя в качестве нормы» [16: 10].

Но возникает вопрос: «А зачем “измерять”, определять меру, ограничивать, чтобы сделать объектом осмысления?». Стремление *измерить* является проявлением рационального сознания. Но о какой мере идет речь? Сознание наиболее полно и отчетливо проявляется в мышлении и общении, а начинается с восприятия, рецепторного реагирования на окружающую субъекта реальность.

Существует немало попыток измерить сознание и его параметры. Как выяснили биологи, даже у растений существует своеобразная нервная система реагирования на температурные изменения окружающей среды – чувствительность растений. Эта чувствительность растений доходит до того, что эмоциональные состояния (не мысль сама по себе, а именно эмоциональный характер мысли) человека растение способно воспринимать и реагировать на нее. Из опыта садоводов известно, что позитивные эмоции любви и заботы энергетически обеспечивают благотворную ситуацию для растений и стимулируют их рост и плодоношение.

В еще большей степени эмоции важны при общении с животными. Конечно, домашние питомцы ждут от хозяев пищи, но не менее они нуждаются в заботе и ласке (эмоциональном контакте). За всеми этими явлениями легко обнаружить энергетическую основу, которую измерить сравнительно трудно. Далее, можно сопоставить «нормальное» сознание и так называемые «измененные состояния» сознания (мистические, наркотические, болезненно-бредовые).

У многих современных ученых в их методологическом сознании обитает иллюзия о том, что все научные термины обладают каждый одним единственным значением. Его они пытаются зафиксировать в словарях и энциклопедиях. Это делается с целью построения базы для взаимопонимания. Понятно, что это крайне важно, только стопроцентного результата достигать удается крайне редко, поэтому все слова и термины – это «облака» смыслов, которые влияют друг на друга, образуя «кентавры», метафоры, образные конструкции. Мысль – это комплекс идей, связывающих прошлое и предполагаемое будущее, Мышление – одно из важнейших измерений сознания. Мысль может быть последовательной или синхронной (что возможно лишь при достаточном навыке, которым чаще обладают мыслители Востока, реже им владеют философы Запада). Для мышления необходимы предпосылки в виде памяти в глубинах бессознательного, которые исследовал И. Кант и его последователи.

Сознание (пользуясь зрительно-пространственными стереотипами) можно рассматривать «по горизонтали» и «по вертикали». В первом случае говорят о «широте» сознания и духовных устремлений, большей частью в социальном плане. Во втором измерении сознание рассматривается согласно вектору «вниз», в глубины самосознания и бессознательного, и «вверх» к высотам человеческого и божественного духа, Абсолюта, Бога.

При попытках определения рационального и иррационального невозможно использовать количественные меры. Под «рациональным» обычно понимают относительно четкое, ясное, однозначное восприятие факта сознания, возникающего на основе *зрительного* восприятия. Совпадают ли

эмоциональное и иррациональное? Нет. А в чем различия?

По справедливому выражению М. К. Мамардашвили, «философия – это сознание вслух» [11: 87]. Иначе говоря, устный язык (звучащая речь) и категории, выражающие концептуальные смыслы – важнейшее измерение сознания.

В европейской культуре существует привычка отождествления рациональности (понятия) с количественным образом целого числа, имеющего характер конечного явления, имеющего ограниченные характеристики. Формирование этой привычки связано с аристотелевской формальной логикой. Однако все современные попытки дать четкое определение понятия подменяются расплывчатыми метафорами (некое подобие «облака» характеристик). Можно сослаться хотя бы на «Правила для руководства ума» Р. Декарта. Все четыре правила его опираются на иррациональные основания.

Сознание человека многомерно, однако по некоторым основаниям (причинам) большинству людей свойственно подходить к осмыслению впечатлений, воспринимаемых рецепторами, с какой-то одной стороны («точки зрения»). Источники этой склонности связаны с тем, что мышление и сознание воспринимают информацию по нескольким каналам рецепции (зрительному, слуховому, тактильно-осязательному, кинетическому, обонятельному, вкусовому – остальные пока не будем учитывать). У большинства реципиентов нет навыка синтезировать эту информацию в комплексы впечатлений, хотя нервная система это делает на бессознательном уровне.

Наше сознание многомерно, однако мы пытаемся насилием власти интеллекта сделать его одномерным, чтобы все «шагали в ногу», а не «вразнобой».

Господство зрительной формы восприятия окружающей реальности приучает к односторонности, к доминированию одной «точки зрения», которая избирается как единственная и главная, все остальные возможные основания отбрасываются как несущественные.

Современное европейское сознание приучено к одноплановости, одномерности и поверхностности. Если принят какой-то закон, то он обязывает всех граждан (до единого) строго его выполнять, хотя возможно, что в одних ситуациях он полезен и эффективен, а в других противопоказан и деструктивен, вреден и нежелателен. Чем обусловлена такая односторонность?

Напомним, что информация – это мера разнообразия окружающей человека реальности, мера однообразия – энтропия. На бессознательно-интуитивном уровне человек реагирует на комплексную оценку ситуации: опасно – безопасно, полезно – вредно, пригодно для удовлетворения потребностей – непригодно. В этом заключается ценностно-ориентационная составляющая деятельности нервной системы, работающей на основе образов впечатлений. На следующем этапе начинается *различение* – дифференцирование информации в соответствии с позитивными и негативными потребностями.

Рецепторы обнаруживают информацию, различают количественные характеристики и степень достоверности. Но значение их и смысл выявляет разум, соотнося информацию с потребностями человека. Сохраненная в памяти эта информация называется знанием.

Согласно М. К. Мамардашвили, «мысль как необходимый элемент участвует в самом рождении в человеке человеческого, того, что мы интуитивно считаем человеческим в человеке» [12: 52]. Наблюдение останавливает движение воспринимаемого зрением объекта. При этом возникает проблема, обнаруженная еще Зеноном Элейским – противоречие между реальностью и мышлением. Мышление с трудом помогает осмысливать движение (в пространстве). Источником этого противоречия является именно зрительное восприятие, для реализации комфортного (успешного) восприятия и изучения движущегося объекта его нужно остановить. Именно поэтому большинство наук изучает лишь неподвижные объекты.

Нередко ученые сопоставляют растения, животных и человека и делают вывод о том, что элементарные формы реагирования на изменение окружающей среды у растений можно считать одномерным сознанием, коль скоро они не в состоянии иметь свободу перемещения в пространстве. У животных такие возможности есть, поэтому допускают более высокую сложность сознания. У человека степень многомерности сознания еще выше благодаря мышлению, амбивалентному самосознанию и представлениям о бесконечности и высших уровнях бытия.

В материалистической науке предпринимались попытки свести изучение сознания к физиологическим процессам: сознания нет, есть лишь: а) нейрофизиологические процессы, структуры мозга и т. п.; б) социальные связи, а то, что называют сознанием, суть «сублиматы»; в) элементы-ощущения, ничем, по существу, не отличающиеся от других элементов-ощущений — внешних тел; г) знаковые системы. Отсюда, как отмечал В. И. Молчанов, вытекали основные типы понимания сознания: 1) сознание как отражение; 2) сознание как спонтанная творческая активность

(конструирование); 3) сознание как нечто обусловленное: а) причинно – телом и/или практикой, б) функционально – телом, практикой, социальными связями и отношениями («встроенное» сознание); 4) сознание как усмотрение смысла [15: 7-36].

Наше представление о реальности, в которой мы существуем, одновременно и едино, и многомерно. Мир изменяется во времени в двух направлениях: энтропия (растрачивание энергии) и синтропия (самоорганизация, структурирование энергии согласно программе смысла). Какова связь звука и времени? Какова природа временной реальности?

Автор не претендует на окончательное решение глобальных философских, мировоззренческих и физических вопросов. Вполне вероятно, что узкие специалисты в области астрофизики, космологии будут обвинять его в недостаточной компетентности для обсуждения таких вопросов. Меня это не смущает, ибо мои гипотезы построены на основании философских, абстрагированных от конкретики физических и математических моделей. Тем более, что вопросы об онтологии пространства и времени относятся к компетенции философов.

Объективная реальность

В Древней Греции различали два вида реальности:

1. Чувственно воспринимаемая реальность (физическая, объективная):

– зрительно воспринимаемая реальность (пространство трехмерное или многомерное, письмосфера),

– звуковая (фонетическая) реальность,

– обонятельная реальность,

– тактильно воспринимаемая реальность;

2. Умопостигаемая реальность (объективно-субъективная):

– семиотическая реальность (семиосфера),

– реальность смыслов (интеллектуальная и эмоциональная),

– виртуальная реальность (вымышленная, воображаемая, мифологическая, мистическая, духовная).

Важнейшей проблемой для сознания является понимание объективной реальности на базе восприятия взаимоотношений ее ключевых феноменов: энергии, информации, пространства и времени. Для осмысления этих явлений используются различные меры. При этом исходная основа объективной реальности есть *пространство*.

Но прежде чем рассматривать вопрос о взаимосвязи этих феноменов, необходимо уяснить их существо, ответить на вопросы: что такое энергия, информация, пространство и время? Обладают ли они статусом объективной реальности или являются только субъективными умопостигаемыми идеями, как полагал И. Кант?

Вопрос о существе энергии – самый трудный. В числе первых об энергии писал Аристотель. Большинство трактовок энергии определяют ее как способность производить работу. При всей гениальности Аристотеля мы можем сегодня уличить его в серьезных ошибках, которые оказывали негативное влияние на философию и науку вплоть до наших дней. Это преувеличение роли зрительного восприятия в осмыслении мира, что привело к пониманию времени как движения в пространстве; рассмотрение целевой мотивации в качестве причины; отрицание реальности бесконечного и др.

Для многих астрофизиков считается вполне убедительной гипотеза Н. Козырева, что время является источником энергии космоса. Такая гипотеза возникла на основе материалистической догматики, провозглашающей аксиому о том, что все существующее – материально, и что кроме материи ничего в космосе быть не может. Мне она представляется совершенно неверной, поскольку я исхожу из убеждения, что все как раз наоборот: время порождается энергией. Гипотеза Козырева поддерживает иллюзию субстанциональности времени, которую опровергал давным-давно И. Кант, а затем эту точку зрения развивал А. Шопенгауэр [18]. Современные специалисты в космологии вероятно не знают его размышления на эту тему, поскольку в советском вузе в курсе философии идеи этого великого философа игнорировались. Точно так же непопулярна идея Вильгельма Оствальда об энергии как единственной субстанции Вселенной, имеющей две формы – полевую и плотно-вещественную (которую многие по привычке называют материей), причем, как известно астрофизикам, первая захватывает примерно 75 % Космоса, а вторая – лишь оставшиеся 25 % (из которых более 20 % – это «темная материя», сведения о которой подтверждаются лишь косвенными данными). Поэтому логичным представляется гипотеза, что мы живем не в материальном мире, а в энергетическом. Этот мир представляет собой объективную (чувственно воспринимаемую) реальность, тогда как наше сознание является субъективной (умопостигаемой) реальностью. Объединяет эти две сферы реальности энергия.

Проще говорить об информации. Попытки определить информацию как сведения или знания опираются на второстепенные признаки информации. Гораздо более существенны такие два варианта: 1) мера разнообразия Космоса; 2) снятие неопределенности (упорядочение сведений, знаний). Процесс познания реализует цель осмысления и упорядочения Космоса или самоорганизации («синтропию»). Противоположностью информации тогда может считаться энтропия – мера однообразия Космоса. При таком понимании информация является объективной характеристикой Вселенной, которая субъект обнаруживает в процессе познания. Правда, сюда вкрадывается субъективный момент – мера, которая (как заметил И. Кант) делает меру «вещью-для-нас». Можно сослаться на заключение Э. Маха:

«В физиологическом отношении время и пространство суть системы ориентирующих ощущений, определяющих вместе с чувственными ощущениями возбуждение биологически целесообразных реакций приспособления. В отношении физическом время и пространство суть особые зависимости физических элементов друг от друга» [14: 412].

Пророк, герой ливанского писателя Дж. Х. Джебрана, подчеркивал важность позитивного эмоционального отношения к тому делу, которому служит человек:

«Труд – это любовь, ставшая зримой. Если вы не можете трудиться с любовью, а трудитесь лишь с отвращением, то лучше вам оставить ваш труд, сесть у врат храма и просить милостыню у тех, кто трудится с радостью. Если вы печете хлеб равнодушно, то ваш хлеб горек, и он лишь наполовину утоляет голод человека. Если вы точите из гроздий сок с недобрым чувством, то оно отравляет вино. Если вы поете, как ангелы, но не любите петь, то вы не даете людским ушам услышать голоса дня и голоса ночи» [8: 354].

Согласно заключению П. А. Флоренского, пространство ада в 34 главе «Божественной комедии» Данте описано на основе «эллиптической геометрии Римана» (которую Риман сформулировал столетия спустя). Мнимые числа Лейбниц считал находящимися между бытием и небытием, а математик Эйлер считал их невозможными (хотя и занимался их исследованием).

Наше обыденное миропонимание, сформировавшееся под влиянием европейского менталитета с доминантой зрительного восприятия, до сих пор опирается на придуманные И. Ньютоном и Р. Декартом представления о трехмерном неподвижном пространстве и одномерном времени (в форме прямой линии, уходящей в бесконечность пространства). Эти три пространственных измерения дополнили четвертым (временным) и возникло наивное представление о пространственно-временном континууме, которое по ошибке приписали А. Эйнштейну.

На самом деле реальное объективное пространство (о субъективном и виртуальном можно говорить отдельно) является многомерным, о чем существуют вполне обоснованные догадки многих физиков, которые определяют количество этих измерений числами 11–12. Но что они собой представляют, они объясняют достаточно туманно.

В отличие от европейского образа мира, восточные «картины мира» (арабская, индийская, китайская) стремятся уйти от «трехмерности», направляя внимание на скрытое от зрения «четвертое» измерение.

В курсе философии преподаватели обходят вопрос о том, чем обусловлена эта трехмерная модель пространства обыденной реальности. Но все объясняется очень просто наличием двух глаз у человека. Именно два глаза позволяют видеть объем и глубину пространства, то есть три измерения. Если бы у всех людей от рождения был бы один глаз, то мы все жили бы в двумерной реальности, во «флатландии». Но если задействовать «третий глаз», то вполне можно говорить о четырехмерности. Вопрос о четвертом измерении пытаются рассматривать с разных сторон. Мне представляется наиболее убедительной теория С. И. Сухоноса, который в своих работах и лекциях наглядно показывает, что точка является симплексом (минимально измеримым параметром) с нулевым количеством измерений, прямая линия – это симплекс одномерного пространства, треугольник (или квадрат) – симплекс двухмерности; пирамида (или куб) – симплекс трехмерного пространства. Но если мы отметим центр внутри пирамиды (или куба), то он вполне может считаться четвертым измерением рассматриваемого пространства. Интересно, что если такой центр «вытащить» из пирамиды, образованной тремя треугольниками, то мы получаем пятиконечную звезду – четырехмерную фигуру на плоскости (21). В качестве другого наглядного представления четырехмерной фигуры С. И. Сухонос предлагает рассматривать молекулу метана.

Далее, следует заметить, что мы пока имели дело с неподвижными пространственными феноменами. Но объективная реальность неподвижна лишь в нашей воображаемой, «умопостигаемой» реальности, а в чувственно воспринимаемой реальности Космоса нет ничего неподвижного. Поэтому если мы представим себе движение четырехмерного феномена, то можем столкнуться сразу с двумя

новыми измерениями в торсионном (вращающемся) поле: пятое измерение – правое вращение; шестое измерение – левое вращение. Будучи последовательными, обратим внимание на то, как движется наша планета в космосе вокруг Солнца по элиптической орбите. Но в то же время вместе с нашей звездой и другими планетами Земля перемещается по галактической орбите (по спирали). Понимание этого позволяет нам вычленить дополнительно два измерения: седьмое измерение – вектор перемещения вперед; восьмое измерение движение – назад. И наконец, еще два измерения воплощаются в тенденциях (векторах) энтропии (рассеянии энергии) и синтропии (самоорганизации).

Таким образом, мы обнаружили пока лишь десять измерений многомерного пространства объективной реальности, выработанного нашим сознанием. Последующие измерения связаны с микромиром и макромиром Космоса.

Важную роль в осмыслении объективной реальности играет *время*. С нашей точки зрения, время – это трата энергии, оно не является отдельной субстанцией, но лишь мерой изменения Космоса, которое имеет одновременно субъективный смысл (поскольку ученые договариваются между собой о величине этой меры) и объективный (поскольку изменения подтверждаются практической проверкой). Однако, время в Космосе изменяется не равномерно, ибо зависит от энергии той сферы, в которой эта энергия проявляет себя. Можно это показать на бытии человека. Жизнь тела человека обусловлена той энергией, которую оно получает от пищи, из кислорода, от Солнца и эфира.

Тело тратит энергии много, поэтому его время течет быстро. Душа «обитающая» в связи с телом (не «факт», что в теле), тратит получаемой от тела (и из эфира) энергии гораздо меньше, поэтому время души течет медленнее. На этом основан феномен рассогласованности возрастной самоидентичности, когда человеку с возрастом кажется, что он моложе, чем есть на самом деле.

Время в ином мире, где оказывается душа после смерти тела, течет иначе. Можно считать, что его вовсе нет (в нашем обыденном, физическом понимании оно останавливается), или оно течет очень медленно (именно это нередко называют вечностью, хотя правильнее называть вечностью остановленное бытие/небытие). Остановленное время – это небытие, изменяющееся время – бытие. Бытие во времени определяется энергией. В ситуации опасности духовная энергия может замедлить и даже остановить время события, вывести человека из бытия, чтобы дать ему возможность спастись. Дух человека может привлечь для остановки бытия энергию эфира (Абсолютного Духа).

В состоянии небытия в ином мире события прошлого и будущего присутствуют как синхронизированные в «настоящем», в остановленном времени (или вне времени в нашем обыденном понимании), в условной «вечности». В этой реальности оказывается душа после смерти физического тела.

Движение	***Изменение***
Перемещение в пространстве (линейное, круговое, спиральное)	Неподвижность, вибрация, покой в пространст
Второстепенность времени	Первостепенность времени
Трата энергии в связи с разностью потенциалов	Трата энергии в связи переполнением меры по
Источник энергии внешний	Источник энергии внутренний
Количественный характер, измеримость пройденного пути	Качественный характер, сравнимость форм и с
Скорость и характер перемещения (равномерное или переменное)	Темп изменения (постепенное или скачкообра
Неизменность сущности	Преобразование сущности

О предпосылках мышления в многомерном сознании писал М. К. Мамардашвили:

«…Феноменальный слой сознания (а это предметно-действенный слой сознания) содержит в себе интенции, а интенции, как известно, это не то, что сознание знает, а тот его объект, который мнится, он не е щ е объект (где-то в зеркале сознания), а у ж е объект. Интенция тем самым отличается от рефлексии. В рефлексивном сознании мы, дублируя сознание з н а е м состояние ума, а интенция — это как раз то, что само о себе вовсе не знает (или то, что знаемо всегда лишь постфактум, задним числом). Она “имеет в виду” свой объект, но не знает самое себя, и другой не может знать за нее, она может выступать лишь “собственнолично”, как “сама вещь” (в этом смысл лозунга Гуссерля “Назад к самим вещам!”). Интенциональный объект мы не воспроизводим в пространстве рефлексивного сознания, а если воспроизведем, то это будет то, что на него наросло. Будет какой-то другой слой сознания, представляющий собой интерпретацию интенции, д о с т у п н у ю нам ее жизнь. Интенции, заложенные в феномены, и обладают свойством сразу же существовать, интерпретируясь в других слоях и реализуясь ими» [13: 60-61].

Субъективная реальность

В фундаменте субъективной реальности мы полагаем *сознание*. Оно обладает параметрами конечности и бесконечности. В античной философии бесконечность рассматривалась в двух планах

(измерениях) – как потенциальная и как актуальная бесконечности, причем Аристотель считал невозможной актуальную бесконечность, допуская ее лишь как потенциальное увеличение (удаление от начала). Эта традиция продолжалась в средневековой теологии и схоластической философии, которая допускала существование потенциальной бесконечности, обозначая ее термином «синкатегорематическая», но не признавала возможность бесконечности категорематической (актуальной), хотя очевидно, что вопрос о бессмертии души неизбежно приводил к осмыслению актуальной бесконечности. Средневековые мыслители воплощением актуальной бесконечности стали считать Бога и бессмертие души человека. У Николая Кузанского созревает догадка о взаимосвязи абсолютного максимума и абсолютного минимума, которая привела позднее Лейбница к созданию дифференциального и интегрального исчисления бесконечно малых величин. Проблема измерения со времен античности столкнулась с вопросом о бесконечности. Если Платон относился к бесконечному отрицательно, то Аристотель допускал возможность лишь потенциально бесконечного, но отрицал бесконечность актуальную Его позиция мотивирована тем, что актуальная бесконечность теряет форму, а для Аристотеля форма была чем-то божественным. Актуальную бесконечность невозможно познать ни чувством, ни умом, она устраняет вопрос о первоначале и не дает возможности измерения [9: 6].

Ум есть способность понимать связь явлений, анализировать имеющеюся информацию и предвидеть последствия планируемых действий, обнаруживать новое, то есть творить то, чего не существовало в прошлом.

Важной мерой сознания является память. Разум – это качественная мера самосознания и самоконтроля, характеризующаяся равновесием и согласованностью действий и поведения с ситуацией, подчинение запланированной программе.

Античные философы сопоставляли ум, душу, дух, сознание, трактуя их соотношение по-разному. Попытку количественного измерения души предпринимал когда-то Аврелий Августин. Его измерения представлены в виде семи ступеней: 1) управление жизненными силами тела, 2) восприятие окружающей реальности посредством пяти рецепторов, 3) память, 4) доброта, 5) очищение души, 6) созерцательное состояние и здоровье, 7) почитание Бога как высшего Абсолюта [2: 231-236]. Августин пытался измерить количественными мерами душу, но у него не получилось применить числовые конечные меры. Вместо них он рассматривал качества души: справедливость, честность, благородство, равенство, великодушие, доброжелательность, милосердие, воля. Эти душевные (моральные) качества имеют относительные меры, которые можно выявлять лишь в сравнении с качествами других субъектов.

Среди истоков осмысления реальности можно указать на концепцию перинатального опыта Станислава Грофа [7]. Согласно его концепции, первое знакомство с внешним миром у каждого человека происходит в процессе рождения, когда материнская утроба извергает младенца из себя в сферу свободы и зависимости, страданий и удовольствий. Но со временем он (хотя и «мечтает вернуться назад», что воплощается позднее в различных вариантах утопий) по мере развития и взросления обнаруживает, что вне материнского тела есть немало преимуществ. В результате возникает противоречие потребностей в свободе и в защищенной зависимости. До трех лет ребенок полностью живет в поле защищенности родителей. С трех лет до двенадцати он постепенно осваивает внешний мир и пытается подчинить его себе. После двенадцати лет он с удивлением обнаруживает свою индивидуальность и свободу. Р. Брэдбери в романе «Вино из одуванчиков» эмоционально описывает это «открытие» подростка: «Точно огромный зрачок исполинского глаза, который тоже только что раскрылся и глядит в изумлении, на него в упор смотрел весь мир. И он понял: вот что нежданно пришло к нему, и теперь останется с ним, и уже никогда его не покинет. Я ЖИВОЙ, – подумал он» [4: 10]. Об этом же писал А. Адлер:

«Быть могущественным! Вот всегдашнее стремление всех маленьких или чувствующих себя маленькими. Всякий ребенок тянется к высоким целям, всякий слабый – к превосходству, всякий, кому недостает надежды, – к вершинам осуществления: отдельный человек так же, как и масса, народы, государства и нации. Это извечное стремление людей есть попытка преодолеть чувство своей недостаточности, незащищенности, слабости» [1: 235].

Какую роль играют эмоции в жизни человека можно показать на мнении Эразма Роттердамского о том, что Юпитер даровал людям намного больше страсти, чем разума, примерно в соотношении 24 к 1. Единоличной власти разума он противопоставил двух свирепых тиранов: гнев и похоть. В какой мере разум способен возобладать над объединенными силами этих двоих со всей очевидностью раскрывает обычная человеческая жизнь. Разум делает единственное, на что способен, – он кричит до хрипоты, повторяя формулы основных добродетелей, пока те двое не велят ему убираться ко всем чертям и вообще ведут себя все более шумно и оскорбительно, пока их правитель не выдохнется, махнет рукой и

уступит [24: 23-24].

В книге В. В. Налимова «Спонтанность сознания» представлено свидетельство американского ученого Р. Мак-Лина о том, что человеческий мозг в процессе развития сохранил черты трех эволюционных формаций: пресмыкающихся, древних млекопитающих и поздних [17: 196]. Этим объясняется выделение в нервной системе человека трех уровней: 1) «рептильный мозг», 2) центральный отдел головного мозга («лимбическая система») с эндокринными органами, 3) кора головного мозга («библиотека» культурного опыта и деятельности). При этом возможна разобщенность и противоречия между этими тремя уровнями. Так, человек может рационального (в соответствии с правовыми и моральными установками) понимать, как надо соблюдать законы и социальные нормы, может сочувствовать и проявлять эмпатию, вместе с тем «рептильный мозг», лишенный «тормозов», требует действовать, возводя эгоистические («звериные») установки на уровень приоритетов. Вследствие этого человек, вопреки внешней культуре, становится беспощадным убийцей и палачом.

Сознание измеряется *смыслами*. По словам М. М. Бахтина, смысл – это то, что отвечает на какой-либо вопрос. Если нечто ни на какой вопрос не отвечает, значит оно лишено смысла [19]. Для философского понимания основ бытия важнейший вопрос – «зачем?» Ответ на этот вопрос раскрывает предназначение человека и человечества. Говоря иначе, смысл – это связь с потребностями. Кроме этого, можно указать на еще несколько важных измерений в трактовке концепта «смысл»: 1) сущность вещи и ее предназначение; 2) мотив действия и деятельности; 3) схваченность мыслью (то есть понимание); 4) целесообразность (бессмысленность тождественна бесцельности); 5) системная организованность, взаимосвязанность; 6) последовательность; 7) логичность. Сверх названного можно указать на скрытые смыслы, опирающиеся на бессознательное и «ночное сознание».

Субъективная реальность опирается на ценностные феномены сознания. Эти феномены имеют эмоциональную окраску. Так, по мнению филолога Н. Н. Вашкевича, русская культура связана с красным цветом, египетская – с оранжевым, индийская – с желтым (желтую окраску в индийскую культуру внес буддизм), желтый цвет характерен также для китайской культуры, хотя древние корни связывают ее с синим. В арабской культуре доминирует зеленый, в шумеро-ассирийской традиции он усматривает фиолетовый цвет. Для африканской культуры он отмечает важную роль голубого (так, популярный музыкальный жанр для афроамериканцев – блюз, т. е «голубой»), который дополняется черным (из соединения красного с зеленым). Для большинства культур большое значение имеет белый цвет, символизирующий чистоту и святость [5: 92-124]. Аналогично этим цветам выстраиваются уровни бытия.

В основе разных культур мы выделяем доминирующую систему рецепции, восприятия объективной реальности. Так, в фундаменте европейской культуры под влиянием египетской и греческой традиции сформировалась зрительная парадигма мировосприятия [20: 9-20]. В странах Востока зрение уступает если не пальму первенства, то роль значительного влияния, другим рецепторам, в частности слуху. В африканской культуре доминирует кинесика, ритмические телодвижения и звуковой ритм. В арабской и индийской культурной традициях ведущую роль играет воображение, абстрактная мистическая реальность. Схожие особенности можно заметить в китайской культуре (медитативные практики).

Значение зрения в жизни людей обусловлено тем, что оно обеспечивает более оперативный контроль за изменением окружающей среды и предотвращение возможных опасностей, а также проверку результатов наших действий, оценку их эффективности и соответствие планировавшихся и достигнутых целей. Важным источником преувеличения роли зрительности и рациональности в европейском сознании была геометрия Евклида, представившая наглядно четкие геометрические фигуры, по аналогии с которыми логические понятия в европейском сознании стали казаться такими же четкими и однозначными, рациональными «фигурами». Все это важно для практической сферы жизни человека.

«В классической экономике предположение о том, что все мы являемся рациональными субъектами, означает, что в нашей повседневной жизни мы сравниваем между собой все появляющиеся альтернативы, а затем выбираем из них наилучшую для себя. Но что происходит, когда мы совершаем ошибку и делаем нечто иррациональное? Для таких случаев у традиционной экономики есть свой ответ: на нас снисходят “рыночные силы”, вновь направляющие нас на правильную и рациональную стезю» [3: 20].

Заключение

Смысл бытия человека в объективной, физической реальности прямо или косвенно связан с удовлетворением потребностей благополучного и гармоничного существования. Поэтом на вопрос о смысле жизни человека можно обнаружить достаточно много ответов [19: 69-70], но если их обобщить,

то остается два класса: потребление и творчество. Первый вариант связан с физическим потребностями тела, второй – с духовными потребностями.

Парменид высказал гипотезу о связи сознания и бытия. Если ее принять за основу, логично предположить, что во время небодрствования (во сне) человек выпадает из бытия в небытие. То же самое происходит в коматозном, бессознательном состоянии. Отсюда также возникает вопрос: не является ли наше *бессознательное* сферой небытия, и это «небытие» скрытно управляет нашим бытием?

Количественная мера объема осмысления реальности, согласно заключениям психологов В. Вундта и Титченера, составляет 6-7 факторов, хотя некоторые ученые предел видят в числе 9 (т. е. 7 ±2). Согласно этим ограничениям, предлагаем следующие выводы относительно возможности и мерах измерения сознания:

1) Информация – это количественная (статическая) мера реальности, необходимая для различения и понимания.

2) Энергия – это качественная (динамическая) мера реальности; она реализуется в виде движения в пространстве и в виде изменений во времени.

3) Время – это мера изменений реальности; оно характеризуется направлением (вперед и назад), темпом и ритмом.

4) Наше тело – феномен объективной реальности, а наше сознание – субъективная реальность, энергетически связанная с объективной реальностью посредством временных изменений; бытие тела происходит во времени и пространстве.

5) Основу субъективной (виртуальной или мифологической) реальности представляют смыслы, информация о возможностях и гарантиях благополучного существования в объективной реальности.

6) Сознание человека многомерно, открыто бесконечности и вечности.

7) Сознание энергетично и его основа – информация, степень сложности энергоинформационной меры.

8) Аксиология – это наука об измерении ценности условными мерами и оценками, опирающимися на систему ценностей субъекта сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список литературы

1. Адлер А. Наука жить. — Киев: Port-Royal, 1997. — 286 с.

2. Августин Блаженный. О количестве души // Об истинной религии. Теоло-гические трактаты. — Минск: Харвест, 2011. — С. 172—240.

3. Ариэли Д. Предсказуемая иррациональность: Скрытые силы, определяю-щие наш решения. — М.: Альпина, 2010. — 335 с.

4. Брэдбери Р. Вино из одуванчиков // Избранные произведения: в 3 т. М.: Олимп, 1992. Т. 2. С. 3—186.

5. Вашкевич Н. Н. Системные языки мозга: магия слова, разгадка мифов и ле-генд, язык и физиология, пробуждение сознания. — М.: Белые альвы, 1998. — 399 с.

6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. (Часть 1). — М.: Гнозис, 1994. С. 2—73.

7. Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД. — М.: МТМ, 1994. — 240 с.

8. Джебран Дж. Х. Избранное. — Л.: Худож. лит-ра, 1986. — 518 с.

9. Катасонов В. Н. Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные ас-пекты генезиса теории множеств Г. Кантора. — М.: Мартис, 1999. – 207 с.

10. Лесков Н. С. Томление духа (из отроческих воспоминаний) // Полное со-брание сочинений: В 36 томах. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1903.— Т. 16. С. 148—156.

11. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. — М.: Логос, 2004. — 272 с.

12. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. — М.: Фонд Мераба Мамар-дашвили, 2015. — 816 с.

13. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рацио-нальности. СПб.: Азбука,

Азбука-Аттикус, 2010. — 288 с.

14. Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. — М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2014. — 456 с.

15. Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос, 1992, № 3. С. 7—36.

16. Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного со-знания. — М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. — 328 с.

17. Налимов В. В. Спонтанность сознания. — М.: Прометей, 1989. — 288 с.

18. Пенроуз Р. Путь к реальности, или Законы, управляющие вселенной: Полный путеводитель. — М.; Ижевск: Институт компьютерных исследо-ваний; R&Dynamycs, 2007. — 911 с.

19. Пивоев В. М. Философия смысла, или Телеология. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. — 114 с.

20. Пивоев В. М. «Диктатура зрительности» в европейском сознании // Studia Humanitatis Borealis. 2023. № 3. —С. 9–20.

21. Сухонос С. И. Масштабная гармония Вселенной. — М.: София, 2000. — 312 с.

22. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011. — Т. 2. С. 41—44.

23. Уилсон К. Паразиты сознания. — Киев: София, 1994. — 320 с.

24. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. — М.: ГИХЛ, 1960. — 167 с.

References

1. Adler A. Nauka zhit. — Kiyev: Port-Royal, 1997. — 286 s.

2. Avgustin Blazhennyy. O kolichestve dushi // Ob istinnoy religii. Teologicheskiye traktaty. — Minsk: Kharvest, 2011. — S. 172—240.

3. Arieli D. Predskazuyemaya irratsionalnost: Skrytyye sily, opredelyayushchiye nashi reshe-niya. — M.: Alpina, 2010. — 335 s.

4. Bredberi R. Vino iz oduvanchikov // Izbrannyye proizvedeniya: v 3 t. M.: Olimp, 1992. T. 2. S. 3—186.

5. Vashkevich N. N. Sistemnyye yazyki mozga: magiya slova, razgadka mifov i legend, yazyk i fiziologiya, probuzhdeniye soznaniya. — M.: Belyye alvy, 1998. — 399 s.

6. Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat // Filosofskiye raboty. (Chast 1). — M.: Gnozis, 1994. S. 2—73.

7. Grof S. Oblasti chelovecheskogo bessoznatelnogo: opyt issledovaniy s pomoshchyu LSD. — M.: MTM, 1994. — 240 s.

8. Dzhebran Dzh. KH. Izbrannoye. — L.: Khudozh. lit-ra, 1986. — 518 s.

9. Katasonov V. N. Borovshiysya s beskonechnym. Filosofsko-religioznyye aspekty genezisa teorii mnozhestv G. Kantora. — M.: Martis, 1999. – 207 s.

10. Leskov N. S. Tomleniye dukha (iz otrocheskikh vospominaniy) // Polnoye sobraniye so-chineniy: V 36 tomakh. — SPb.: Izd. A. F. Marksa, 1903.— T. 16. S. 148—156.

11. Mamardashvili M. K. Soznaniye i tsivilizatsiya. — M.: Logos, 2004. — 272 s.

12. Mamardashvili M. K. Besedy o myshlenii. — M.: Fond Meraba Mamardashvili, 2015. — 816 s.

13. Mamardashvili M. K. Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsionalnosti. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2010. — 288 s.

14. Makh E. Poznaniye i zabluzhdeniye: Ocherki po psikhologii issledovaniya. — M.: BINOM; Laboratoriya znaniy, 2014. — 456 s.

15. Molchanov V. I. Paradigmy soznaniya i struktury opyta // Logos, 1992, № 3. S. 7—36.

16. Molchanov V. I. Razlicheniye i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya. — M.: Modest Kolerov i «Tri kvadrata», 2004. — 328 s.

17. Nalimov V. V. Spontannost soznaniya. — M.: Prometey, 1989. — 288 s.

18. Penrouz R. Put k realnosti, ili Zakony, upravlyayushchiye vselennoy: Polnyy putevoditel. — M.; Izhevsk: Institut kompyuternykh issledovaniy; R&Dynamycs, 2007. — 911 s.

19. Pivoyev V. M. Filosofiya smysla, ili Teleologiya. — Petrozavodsk: PetrGU, 2004. — 114 s.

20. Pivoyev V. M. «Diktatura zritelnosti» v yevropeyskom soznanii // Studia Humanitatis Bore-alis. 2023. № 3. —S. 9–20.

21. Sukhonos S. I. Masshtabnaya garmoniya Vselennoy. — M.: Sofiya, 2000. — 312 s.

22. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavleniye // Sobraniye sochineniy: V 6 t. — M.: Respublika; Dmitriy Sechin, 2011. — T. 2. S. 41—44.

23. Wilson K. Parazity soznaniya. — Kiyev: Sofiya, 1994. — 320 s.

24. Erazm Rotterdamskiy. Pokhvala gluposti. — M.: GIKHL, 1960. — 167 s.

PIVOYEV V. HOW TO MEASURE CONSCIOUSNESS? // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2025. № 1. P. 12–23.

HOW TO MEASURE CONSCIOUSNESS?

PIVOYEV Vasiliy

PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Socio-Economic, Humanitarian and Special Disciplines,
Northern Institute (Petrozavodsk Branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Justice Ministry of Russia),
Petrozavodsk, Russian Federation, pivoev@mail.ru

Keywords:
measure
information
space
time
energy
objective and subjective reality

Summary:
The rejection of the dictate imposed by the materialist theory of understanding the world prompts a “return to Kant’s philosophy”, which posits that we exist not in an objective reality, but in a subjective one. The process of cognition involves “distinguishing” and uncovering the unknown within the known. This cognitive activity is fundamentally driven by the pursuit of means to satisfy our needs in order to ensure a prosperous existence. The author argues that a comprehensive understanding of the reality we inhabit is grounded in energy as a fundamental substance, information as a measure of diversity, time as a waste of energy, the multidimensional space of objective reality, and the spiritual sphere embodying the meanings of subjective reality.